

Рубакин Николай Александрович

**Рассказы о делах в царстве
животных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Р.**
Рассказы о делах в царстве животных / Рубакин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 104 с.

ISBN 978-5-519-83694-4

ISBN 978-5-519-83694-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Как животные спасают себя от голода и зимнего холода, от летней засухи и жары.

Переселение белок.

Лет 25 тому назад, в городе Нижне-Тагильске (на Урале) случилось невиданное событие: из лесу вышла бесчисленная стая белок и пошла прямо на город. Белок было очень много в этой стае,—даже сибирские сторожилы смотрели и дивились, а они видали виды. Белки шли то в одиночку, то кучками, шли все прямо и прямо, бежали по улицам, перескакивали через заборы и изгороди, забиралась в дома, наполняли дворы, прыгали по крышам,—словом, весь город подвергся нашествию белок. Белка—зверек пугливый, а тут неизвестно, куда и страх у нее делся: не боится ни людей ни собак, так и бежит все вперед и вперед. Городские собаки набросились на белок и грызли их десятками. Люди тоже не дремали: убивали белок, чем могли, чтобы потом содрать с них шкуру и продать. По Нижне-Тагильску пошло постоянное побоище: белочья кровь лилась рекой, белки гибли тысячами.

Но они и смерти не пугались, а все шли из лесу, белка за белкой, толпа за толпой, с утра до позднего вечера.

Три дня продолжалось это шествие. Только поздней ночью оно останавливалось, а на утро, лишь брезжил рассвет, шествие начиналось снова, по той же дороге. Пройдя город, белки шли дальше, доходили наконец до берегов реки Чусовой. Эта река широкая и быстрая, но и она не останавливала белок. Они, как ошумелые, прыгали в воду, только пушистый хвост откидывали на спину, и из всех сил плыли к другому берегу. Очевидец рассказывает, что он только дивился, как маленькие белки справляются с речным те-

Белка.

чением и волной. Белки плыли стадом. „Сел я в лодку, — рассказывает очевидец, — и поплыл в самую средину стада. Вижу, — иные белки совсем обесспели, — выглянет зверек из воды раз, другой, нырнет, опять выглянет, а так его и снесло потоком. Усталым белкам я протягивал весло. Только протяну, — сейчас они по веслу взберутся ко мне в лодку, маленькие такие, гладкие, сидут на дне лодки и дрожат. Много их ко мне в лодку налезло. Когда лодка подплыла к большому судну, белки взобрались на него и сидели там кучей, спокойно и доверчиво. Бедняжки отдыхали. А лишь только судно подошло к берегу, так белки тотчас выпрыгнули на песок и побежали дальше. Много их погибло, но много и перебралось через реку и продолжало путь“.

Через Нижне-Тагильск прошла огромная стая белок. Но это была не главная их армия. Главная же армия шла верстах в восьми от Нижне-Тагильска. В ней было бесчисленное количество белок, — не сотни тысяч, а миллионы. Белки шли далеко, за многие сотни верст. Они переселялись из одного края в другой, из одних лесов в другие.

Отчего звери переселяются.

Людам давно известно, что от времени до времени совершаются великие переселения зверей.

Переселяются разные звери. В Архангельской губернии, на далеком севере, в пустынных болотистых степях, которые зовутся тундрами, живет маленький зверек пеструшка. Назван он так потому, что у него шкурка пестрая, вся пятнами. Зверек этот похож на маленького сурка, ростом не больше суслика или овражка, а прожорлив не меньше его. Плодятся пеструшки очень быстро: несколько раз в год, и каждый раз у них бывает по пяти, по шести детенышей. В тундрах Архангельской губернии пеструшки водятся во множестве. Особенно они размножаются в такие годы, когда после снежной зимы наступает теплая весна, а если, после хорошей весны, и лето стоит теплое, тогда пеструшек в тундрах тьма тьмущая. Пищи у них вдоволь, все сыты — и старые и малые. Все живут и растут, и крепнут. Но подходит лето к концу, — еды становится меньше, и пеструшкам приходится плохо. В иные годы им совсем беда. Смерть грозит отовсюду: есть совсем нечего, — трава и кусты погибли от холода, а что можно было съесть — все съедено. Начинается среди пеструшек голод, — что ни день, то сильнее. Бедные зверьки мечутся по тундре туда и сюда, отыскивают еду. Только еды нигде нет. Тогда нападает на пеструшек страх и ужас. Они собираются в огромные стада и отправляются в путь — искать лучших мест. Они идут все прямо, куда глаза глядят. К одним стадам присоединяются другие; стада становятся все больше, из них набираются огромные армии. Эти армии, голодные и холодные, бегут все вперед и вперед. Пеструшки бегут рядами; ряды так плотны, что кажется — головы задних пеструшек упрутся в хвост передних. Лапки этих маленьких зверьков протантывают во мху глубокие дороги, которые заметны издали.

Чем дальше идут пеструшки, тем все больше прибавляют шагу. С жадностью бросаются они на все деревья и кусты, какие им встречаются по пути. Иная местность в несколько часов делается пустыней, — пеструшки поедают все, что можно. Для задних рядов уже никакой еды не остается. Голод одолевает их все больше и больше. Оттого зверьки бегут еще быстрее, как оумейные, и ничего не боятся. Если им встретится человек, они пробегают у него между ног; с сильными и хищными птицами они пускаются в драку.

Они переплывают не только реки, но и озера, хотя и гибнут тысячами. А за армиями пеструшек—идут армии их врагов. Волки, лисы и собаки, орлы, белые совы, черные и серые вороны пожирают их без числа. Они съедают бдных зверьков сколько лишь могут. Чайки и хищные рыбы схватывают тех пеструшек, которых уносят волны во время переправы через реку. Еще больше гибнет пеструшек от болезней и голода. Тысячи мертвых остаются на дороге.

Долго идет такое переселение, а чем оно кончается,—неизвестно. Быть-может, иные пеструшки и достигают таких мест, где пищи и тепла для них достаточно, а, быть-может, и все они гибнут на пути. Рассказывают северные жители, что, после таких переселений, пеструшек несколько лет совсем не бывает видно, совсем они становятся редкостью. А проходят года,—они опять размножаются; от нескольких пар, какие уцелели в каком-нибудь укромном уголке тундры, опять нарождаются миллионы пеструшек. Когда же настанет особенно холодный и голодный год, начинается опять переселение. И так идет из века в век.

Большие переселения зверей совершаются не часто,—один раз в несколько лет, а то и в несколько десятков лет. Совершаются они после таких годов, когда этим зверям приходится жить особенно плохо. Нечего и говорить, что в далекое странствование гонят зверей неволя, потому что звери, как и люди, от добра добра не ищут. У зверей, как и у

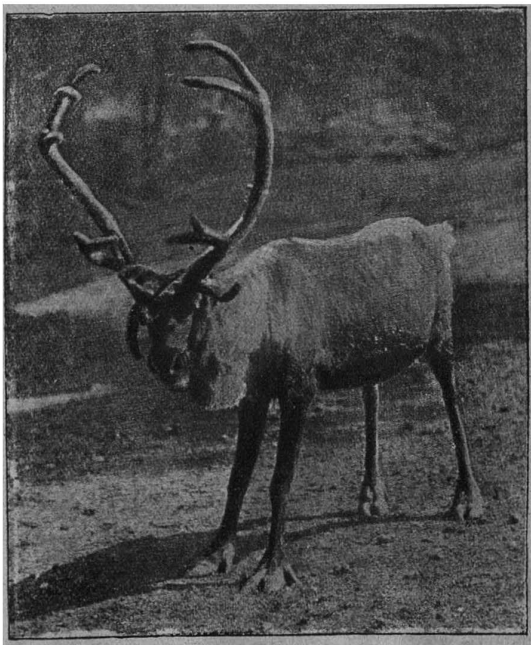
людей, есть постоянные враги, с которыми не легко справиться. Главные враги — голод и холод. Голод — самый страшный враг всех живых тварей; страшен и холод, страшны и разные хищники-неприятели. Вот и приходится всем живым существам, как-нибудь, а считаться с этими врагами.

И каждое животное считается с ними своими средствами.

Дело это не легкое. Каждая тварь прежде всего заботится о том, как бы спасти свою жизнь. Все животное царство вечно суетится и копошится, каждый зверек и каждая букашка борется с нуждой и бедой.

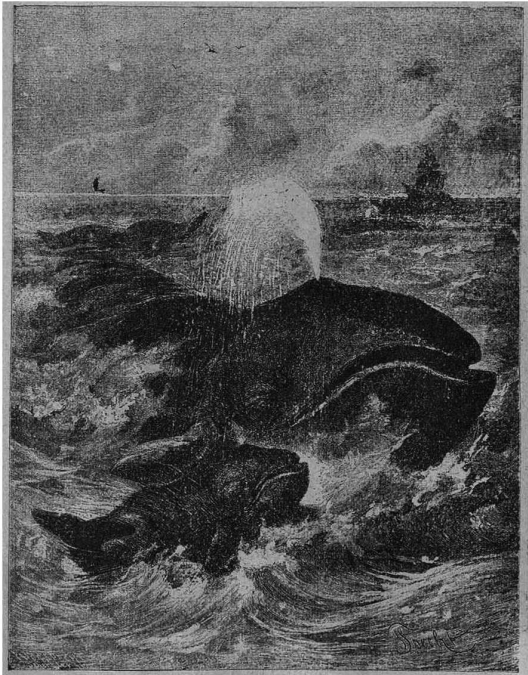
звери каждый год путешествуют.

Многие животные из-за голода и холода путешествуют каждый год. Многие животные без этих ежегодных путешествий и жить не могут. В разные времена года они живут в разных странах. Путешествуют они всегда по одному правилу: из тех мест, где становится жить хуже, туда, где живется

Северный олень.

лучше. Так, например, в тех же тундрах, где водятся пеструшки, пасутся многочисленные стада диких оленей. Лишь только настает лето, появляются в тундрах бесчисленное множество комаров, мошек и оводов. От них и людям и оленям совсем житья нет летом. Чтобы спастись от этих назойливых врагов, олени на лето покидают тундру. Они собираются большими стадами и идут к городам, где мошкары и оводов меньше. Путь не близкий, но олени дорогу знают: старые олени ведут молодых. Оленьи стада протоптавают в тундрах настоящие дороги. Эти дороги тянутся на целые сотни верст. Путешественники рассказывают, что им приходилось видеть, как по этим дорогам идет одно стадо оленей за другим: только-что пройдет одно, а там уже чернеет другое. Их не страшат ни горы ни реки. Они торопятся добраться в такие места, где и мошкары нет, да и суровая зима не так страшна. А за стадами оленей по пятам идут, как и за пеструшками, их враги: стаи волков. Они тоже путешествуют и тоже не по своей воле: без оленей все они в тундре помрут с голода. Когда наступает весна, олени идут в тундру обратно; только весной они уже не торопятся. И снова волки крадутся за ними.

Гренландский кит.

В травяных степях Америки живут бесчисленные стада буйволов. Каждый год буйволы совершают далекие путешествия с севера на юг. При этом они делают не сотни, а тысячи верст, а на пути переплывают реки в несколько верст шириной.

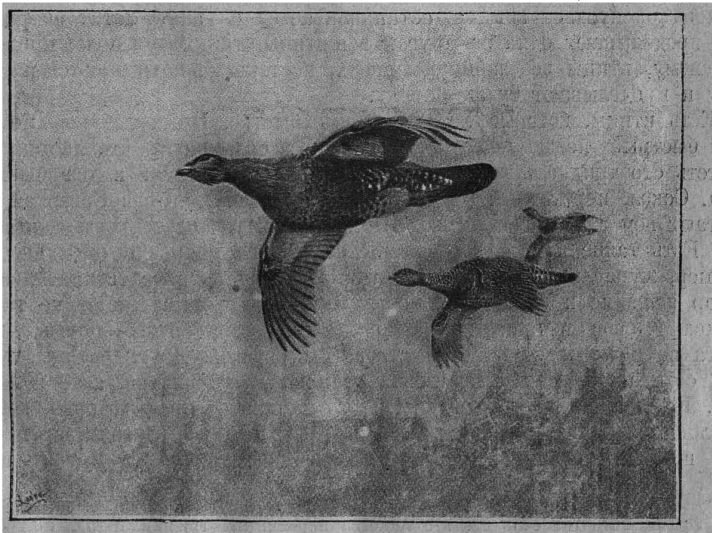
Ежегодно совершают далекие странствования и киты в океанах. Ни один зверь не делает таких больших концов, как кит. Мореплаватели рассказывают, что киты проплывают в своих странствованиях до десяти тысяч верст. Один китолов встретил у берегов жаркой страны того самого кита, которого он поранил в Ледовитом океане. Если бы не эта рана, он кита и не узнал бы. Киты странствуют по океанам так правильно, что китоловы уж раньше знают, где и когда их нужно поджидать. В одних местах киты показываются летом, в других—зимою. Норвежцы высматривают китов после Крещения; в других местах киты появляются около Михайлова дня (8 ноября). В северной Англии один кит появлялся в море близ небольшой рыбацкой деревушки ежегодно, целых двадцать лет под ряд. Каждый год на него устраивали облаву. Девятнадцать лет эта облава была неудачна; на двадцатый год кита убили.

Еще мореплаватели рассказывают, что киты отлично знают свою дорогу по океанам и плывут так правильно, словно отыскивают путь по звездам. Иногда киты странствуют в одиночку, иной раз собираются и стадами. Тогда самцы плывут впереди, а самки с детенышами позади.

Отчего же странствуют по океанам киты, хотя они холода и не боятся? Оттого, что ежегодно совершают путешествия те животные, какими кит питается. Летом пищи бывает больше в одном месте, — киты плывут туда; зимою в другом, — киты переселяются в новое место. У них заведен для путешествий свой особый порядок, и порядок этот держится тысячи, а может-быть, и десятки тысяч лет.

Как путешествуют птицы.

Еще замечательнее порядки у птиц. Птицы, по древнейшему обычаю, каждый год делают далекие перелеты из одной страны в другую. На свете мало таких птиц, которые круглый год жили бы на одном месте. Из наших русских птиц на зиму улетает в теплые края больше половины. Птицы — народ кочевой. Они каждый год делают взад и вперед по земле многие тысячи верст и знают такие места, где в какое время живется лучше. Им приходится делать очень большие концы. Так, например, наши ласточки проводят лето у нас, а на зиму улетают в Египет. Чтобы добраться до Египта, человеку нужно несколько недель; а птица летит туда несколько дней. Для нее дорога открытая, — ничто не мешает. В Египет же улетают хохлатые жаворонки, черные касатки, пеночки, камышевки и многие другие птицы. Цапли летят еще дальше на полдень; а еще дальше улетают кукушки и иволги, соловьи, перепела, журавли, аисты. Когда приближается осень, когда солнце греет с каждым днем все хуже и хуже, тогда чувствуют птицы, что им уже время лететь в теплые края. Они собираются стаями и пускаются в путь. О

Летающие глухари.

путешествиях птиц рассказывают очень много замечательного. Каждая птица странствует на свой образец; у каждой породы свои обычаи и привычки, свои излюбленные дороги и местожительства. Иные птицы летят небольшими стадами, другие — огромными стаями. Например, диких гусей и журавлей всегда можно узнать, потому что они летят высоко-высоко над землей вереницею, похожей на клин. Есть птицы, которые собираются такими большими стадами, что их трудно даже вообразить. Особенно велики стаи американских перелетных голубей. Один англичанин рассказывает, что ему приходилось видеть, как летели эти голуби. Они летели так высоко, что туда не хватило бы и хорошее ружье. Стаи голубей были очень густые; голуби летели в несколько слоев, один над другим. Их было видно на небе и вблизи, и вдали, и вправо, и влево; весь небесный свод был усеян ими. Время было около полудня. Англичанин сел и стал смотреть на летящую стаю. А эта стая все росла и все ускоряла полет. Спусти час времени, англичанин сел на лошадь и поехал навстречу голубям. Он ехал часа четыре, а стае голубиной, казалось, и конца нет. Она тянулась у него над головой такая же густая, как и раньше. Только около пяти часов пополудни голубиная туча прорвалась. Но за нею стали попадаться отдельные кучи отставших голубей. И эти кучи были очень многочисленны. Только часов в десять вечера англичанин увидел конец стаи. В длину эта стая занимала верст четыреста слишком, да больше десяти верст была она в ширину. Если бы в этой стае голуби летели не в несколько слоев, а в один слой, так и то там было бы не меньше трех миллиардов голубей *). Такими огромными стадами летают американские перелетные голуби. А случается, этакие стаи летят иногда одна за другою.

У некоторых птиц есть особые замашки, по которым издали можно узнать, какая порода летит. Например, вот как летят грачи и галки. Они держатся высоко, а когда летят, все забирают выше и выше. Вдруг во время полета какая-либо птица складывает крылья и, точно ушибленная, падает вниз. Падает, но до самой земли не долетает: сажень на пятнадцать от земли она снова распускает крылья, останавливается и — опять летит вперед. Такую штуку проделывают одна за другою все птицы стаи. Затем полет продолжается попрежнему, птицы все забирают вверх, постепенно поднимаются на большую высоту и проделывают ту же штуку.

Есть птицы, которые летают очень быстро. Иных летунов не догонит самый быстрый поезд железной дороги. Рассказывают, что ласточка может пролететь сто тридцать верст в час; а стриж летит раза в два быстрее ласточки. Сокол, перелетный голубь и многие породы уток в Северной Америке пролетают верст по шестидесяти в час или около полуторы тысячи верст в сутки. Есть такие птицы, которые летят день и ночь, не отдыхая. Таковы, например, журавли: пустившись в путь, они иной раз не останавливаются до тех пор, пока не прилетят до места. Птицы, которые летают не так бойко, устраивают свои путешествия иначе. Одни летят больше ночью, чем днем: темнота ночи укрывает их от быстролетных врагов. Другие птицы, летающие плохо, совершают свои путешествия то пешком, то вплавь, а то и летят, как умеют. Есть птица коростель-дергац; — та самая птица, которая, когда кричит, словно скрипит и трещит; ее всегда слышно по вечерам на наших лугах и полях. Коростель летает плохо, а бегает хорошо. Вот он во время

* Миллиард — то же, что тысяча миллионов. А три тысячи миллионов или три миллиарда значит вот что: если бы кто захотел пересчитать три миллиарда голубей одного за другим и стал бы отсчитывать их по три тысячи в час, не переставая считать ни днем ни ночью, так и то должен бы был сидеть и считать слишком сто пятнадцать лет.

своих путешествий и странствует больше пешком, а летит лишь в случае крайней нужды. Он больше бежит, чем летит. Тоже и перепела: целые сотни верст они делают пешком. Их встречали во время перелета и в Египте, и в Испании, и в Греции, и в Германии. Люди пользуются тем, что перепела летают плохо: они убивают этих птиц тысячами. На Немецком море есть остров Гельголанд. Через этот остров много веков ежегодно пролетали перепела. Охота за ними давала жителям Гельголанда большой доход. Перепелов встречали радостно. Даже немецкие священники, увидев из церкви летящую стаю перепелов, возглашали:

— Аминь, благочестивые слушатели! Перепела прилетели!

Водяные птицы во время перелетов стараются путешествовать вплавь по воде. Гагары, чомги и бакланы выбирают дорогу в теплые края по течению больших рек. Они летят мало, а больше плывут, а где нельзя плыть—идут и пешком. Птицы эти хорошие пловцы. Поэтому их водное путешествие немного берет времени.

Больше всего мешает путешествию птиц дурная ветреная погода. В такую погоду они на время приостанавливают свое путешествие. И немудрено: сильный ветер угрожает их жизни. А лететь во время ветра вдоль морских берегов особенно опасно. Случается нередко, что ветром уносит птиц далеко в море. Таких заблудившихся птиц встречали в море за сотни верст от берега. Мореплаватели рассказывают, что на их корабль садились и долго отдыхали на нем такие птицы, которые и летают-то плохо.

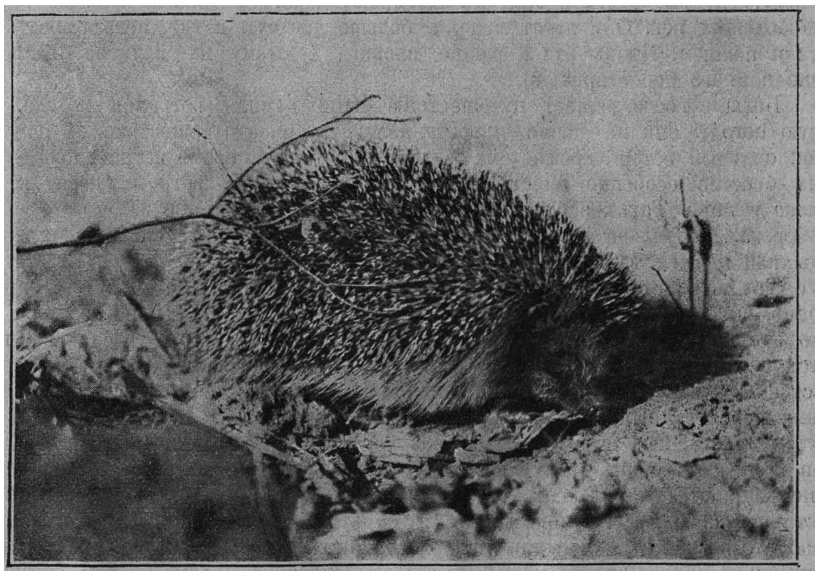
Так странствуют многие птицы из года в год. Летом они в одной стране, зимою—в другой. Правда, немало труда берут их странствования, но зато птицы таким способом спасают свою жизнь от холода и голода. Так ведется в птичьем царстве много тысяч лет. Птицы к таким ежегодным путешествиям давно уже привыкли, сжились с ними. Когда наступает урочное время перелета, птица даже сидеть спокойно не может. Ее словно тянет в другие края. Иные птицы десятки раз успевают побывать в теплых краях. Они и другим дорогу туда указывают. Оттого-то птицы и собираются в стаи и перенимают, учатся одна от другой, куда и как лететь. Птицы, которые постарше и опытнее, показывают и обратный путь. Птицы так хорошо узнают старые места, что даже прошлогодние гнезда могут отыскивать. Аисты, ласточки и многие другие птицы из года в год живут в своих старых гнездах.

Как некоторые животные спасаются от холода и голода.

Птицы спасаются от голода и холода тем, что улетают в теплые края, где для них пищи вдоволь. Многие животные спасают свою жизнь иначе. Они никуда не переселяются, а остаются и на зиму там, где жили летом,—забираются в какой-либо укромный уголок и там цепенеют. Они как бы засыпают и спят до тех пор, пока не придут снова теплые и сытные дни.

Лишь только наступают осенние холода, сурки, ежи, летучие мыши забираются в свои норы и обмирают. Тело у них тогда коченеет, сердце бьется неслышно, они почти не дышат, свертываются клубочком и лежат неподвижно, как мертвые. На высоких альпийских горах, где снег не тает и летом, живут такие сурки, которые спят иной раз месяцев восемь в году. Для своего зимнего сна они очень искусно выкапывают особые норы; эти норы иной раз тянутся в земле сажен пять. Вход в зимнюю нору устраивается узкий и на зиму закрывается сеном и травой. В конце хода вырывает сурок себе логовище. Задолго до осени он выстилает его сеном; даже сено он загото-

влет сам: зубами подгрызает траву, дает ей высохнуть на солнце и затем песет ее в нору. К концу лета сурок отъедается и жиреет, а лишь ударят первые холода, он забирается в нору. В одной норе обыкновенно укладывается на зимнее спанье целая семья сурков. Перед спаньем сурок плотно забивает выход из норы на целую сажень; для этого он берет и глину, и сено, и камешки. Когда это дело сделано, сурки прижимаются друг к дружке, головами к хвосту, и засыпают. Их сон продолжается больше полугода. Когда же весеннее солнышко растопит снег и согреет землю, просыпаются от теплоты и сурки. Сначала просыпаются те зверьки, которые помоложе и крепче; дольше других спят слабые и старые.

Е ж.

Летучие мыши не строят себе нор на зиму, а забираются куда-нибудь на чердаки, в подвалы, в расщелины скал, и висят там вниз головою, пока стоят холода. Спят зимою и змеи, лягушки, ящерицы. Они забираются на зиму куда-нибудь в дупло, под камни, в мох—и там обмирают. Они спят то порознь, то кучей. Были случаи,—при проведении канав открывали под корнями деревьев целые скопища змей. Животные эти лежали, как мертвые, свернувшись клубком.

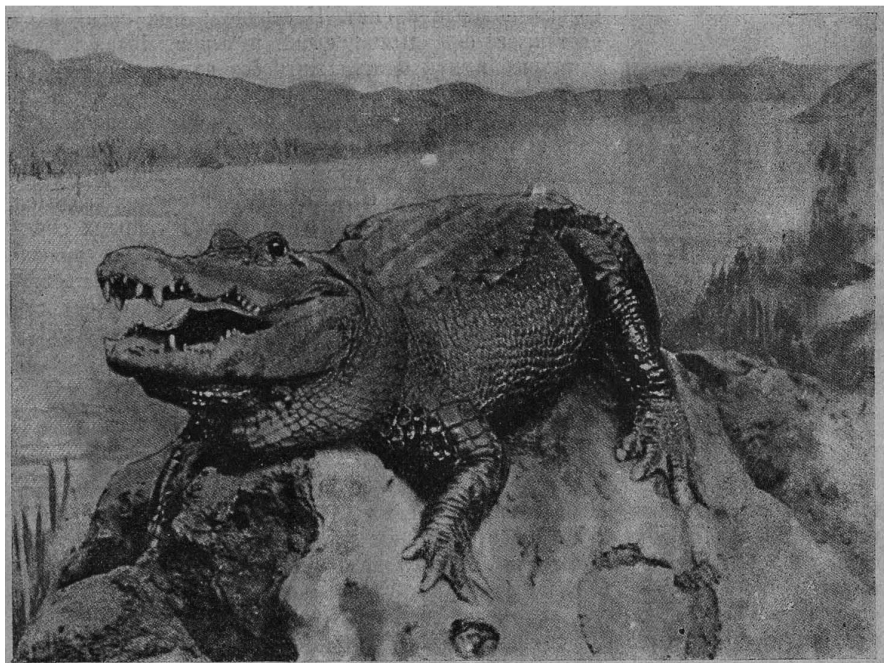
О живучести лягушек достоверные очевидцы рассказывают удивительные вещи. Были случаи, что лягушку, спящую во мху, раннею весною покрывало водой; когда замерзала вода,—замерзала и лягушка. Несколько дней она находилась во льду, но когда лед таял, тогда лягушка опять оживала. То же рассказывают и о других животных. Рыбы тоже могут замерзать и оживать. Это известно всем рыбакам, которые ловят зимою рыбу. Залегают на зиму в спячку и пиявки, и улитки, и червяки, и жуки, и мухи, и бесопечное множество всяких других маленьких животных. С наступлением холо-

дов они спрячутся, кто куда успеет и куда может, — в щели, в землю, под мох. Там они и ждут целые месяцы наступления теплых дней.

В холодных странах, например, в северной Сибири, есть озера и речки, которые летом населены всякими животными, а зимою промерзают до дна. Рыбкам, лягушкам и многим другим животным зимою некуда и уйти из этих речек и озер. Но и холода и морозы не убивают всего населения их. Правда, многие погибают, но кто покрепче, тот вытерпит, — отлежится, перенесет: животные замерзают, но не умирают. Так они и пребывают в окаменелом состоянии по несколько месяцев. Когда растает лед, — снова и очень быстро населяется озеро или река. Один путешественник по Сибири рассказывает, что в иных озерах караси по несколько месяцев лежали замерзшие, а с наступлением весны оживали опять, как ни в чем не бывало.

Спячка животных во время засухи и жары.

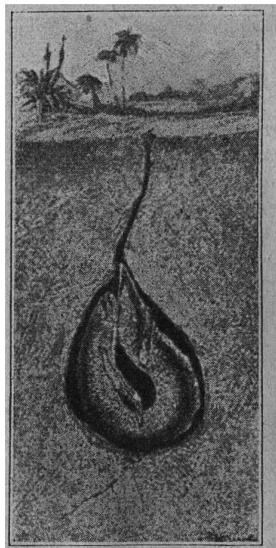
Таким-то способом справляются некоторые животные с холодом и голодом. В жарких странах они также спасают себя от засухи и жаров. Есть на земле такие жаркие страны, где летом высыхают все реки и ручейки. Без воды погибают и деревья, и кустарники, и трава. Живым существам приходится тогда плохо. Из них кто разбегается, — уходит в те страны, где есть пища и питье, а кто и вымирает. Но есть и такие животные, которые от жары цепенеют и обмирают и лежат где-нибудь в укромном уголке до тех пор, пока их не оживят дожди. На острове Мадагаскаре (у восточных бере-

Крокодил.

гов Африки) живет маленький еж, похожий на здешнего. Этот еж совсем не может переносить жары. В жаркое время он забирается к себе в норку и обмирает, подобно тому, как здешние ежи обмирают здесь от холода.

В жарких странах Африки и Америки живут огромные страшные ящерицы, длиною сажени полторы, а то и две. Называются эти ящерицы крокодилами и кайманами. На лето они зарываются в речной ил и там обмирают. Люди ходят по ним и даже не подозревают, какие чудовища под их ногами. Бывали случаи,—крокодилы вдруг просыпались и высовывали из ила свою грозную пасть со страшными зубами у самых ног удивленного и испуганного человека. Спят они по два, по три месяца. Но случается, что они проснутся раньше времени, когда им еще негде добыть себе сколько нужно пищи. Тогда, рассказывают путешественники, американские крокодилы (или кайманы) переселяются. Переселение происходит у них особым способом: река несет их по течению, а они лежат на воде неподвижно, словно бревно.

Рыба в жаркой стране спит, закопавшись в речной ил во время летней засухи.

В Африке и Америке, в тех реках, которые на лето высыхают, живут замечательные рыбы. Ростом они почти полсажени, дышат они не только жабрами, но и с помощью особо устроенного плавательного пузыря. Эти большие рыбы проводят несколько месяцев без воды, на сухой земле. Во время засухи они зарываются глубоко в ил и лежат там, ожидая дождей. Река совсем высыхает, — а рыбы живы. Они только обмерли и спят. И сердце у них потихоньку бьется, и они дышат своим пузырем. Бывает, что этим рыбам приходится жить без воды и на сухом месте по полугоду.

Маленькие животные, например, мошки, букашки, жуки, улитки, черви и подобные им, тоже так устроены, что долго могут жить без воды и питья. В грязных болотах и лужах, как известно, водится много всяких маленьких животных. В жарких странах их еще больше, чем в наших. Лишь только болото начинает высыхать, все животные съеживаются и тоже высыхают. Они делаются совсем сухими, как засохшие листья деревьев. Только все же они не умирают. Их подхватывает ветер и уносит далеко-далеко, вместе с пылью. Ветер заносит их и в воду, а в воде они снова оживают, как ни в чем не бывало.

Улитка в гробнице египетского царя.

Есть животные, которые могут пребыть в сухом виде очень долго,—не только месяц, но даже сотни и тысячи лет. Рассказывают, например, об одной улитке. Ее нашли внутри каменной гробницы одного египетского царя. Этот царь умер без малого три тысячи лет тому назад. Похоронили его, по обычаю тех времен, особым способом. Египтяне умели охранять своих покойников от тления. Они вынимали у них сердце и другие внутренности, наполняли тело душистыми травами и благовонными смолами и снаружи покрывали тело тоже этими смолами; потом завертывали его в очень длинную, шелудую, которую опять же обмазывали смолой. Благодаря этому, водолюбники египтян